

В. МАЛЁВАННЫЙ

ОТШЕЛЬНИК

ПОВЕСТЬ

16+

Владимир Анатольевич Малёванный

Отшельник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43683819

SelfPub; 2021

Аннотация

Повесть «Отшельник». Изначально планировалось снять документальную киноленту с таким названием. Но что-то «не пошло». Однажды, просматривая старые видеоматериалы, я наткнулся на заготовки, сделанные в горах Краснодарского края. Это были интервью с реальными отшельниками. И тут мне пришло в голову написать о судьбе одного из этих людей в художественном жанре. И чтобы связать всё это в единый сюжет, пришлось изрядно пофантазировать. Мне захотелось рассказать, сколько пришлось претерпеть этому человеку за веру Христову при коммунистическом строе.

Владимир Малёванный

Отшельник

ПРЕДИСЛОВИЕ

Доброго здоровья, дорогие мои читатели!

Выношу на ваш суд повесть «Отшельник». Изначально планировалось снять документальную киноленту с таким названием. Был написан сценарий, отснято немалое количество видеоматериала. Я даже пробовал себя в роли ведущего, сделал много дублей стендапов в экзотических местах Северного Кавказа. Но что-то «не пошло», и я начал снимать другие фильмы, которые были закончены и вышли в свет. Как-то на досуге, просматривая старые видеозаготовки, я наткнулся на съемки, сделанные в горах Хадыженского, Апшеронского и Белореченского районов Краснодарского края. Это были интервью с настоящими отшельниками, я смотрел видео, словно в первый раз – так всё позабылось. И тут мне пришлось в голову написать о судьбе одного из этих людей в художественном жанре. Почему в художественном? Потому, что некоторые факты заимствованы из жизни двух других людей (отшельников). И чтобы связать всё это в единый сюжет пришлось изрядно пофантазировать. Информация, полученная в ходе интервью, настолько потрясла мое воображение, что мне захотелось поведать её, как можно большому количеству людей. Рассказать сколько пришлось претер-

петь этому человеку за веру Христову при коммунистическом строе. Мой друг, часто общавшийся с людьми, живущими в затворе, говорил мне об отшельнике, явившимся прототипом главного героя: «Это живой мученик за Христа». Ключевые события, описанные в повести, взяты из его жизни. С его слов мною было записано стихотворение, являющееся его творчеством, которое вы также встретите на страницах этой книги. Повесть является художественным произведением, поэтому, если заметите исторические или географические неточности, просьба – сильно не судите. Моей задачей, прежде всего, было раскрыть человеческое естество главного героя, показать в его лице всю немощь людскую пред Богом. Несмотря на жизненные трудности Алексей (имя изменено) стремился остаться верным последователем веры Христовой. Он настолько чувствительно воспринимал свою греховность, что даже считал себя недостойным монашеского пострига. На самом же деле, духовные требования, предъявляемые им к самому себе, ничем не отличались от монастырских уставов. Возможно, даже и превосходили их в аскетическом плане, но об этом нам не известно. Итак, я предлагаю вашему вниманию познакомиться с человеком, на долю которого выпали тяжелейшие испытания, справиться с которыми ему помогла твёрдая вера в Бога.

ОТШЕЛЬНИК

Издrevле повелось, что пустынножителИ – это люди, удалившиеся в недоступные места для совершения молитвенного подвига...

Горная гряда Большого Кавказского хребта манит к себе своей таинственной красотой аскетов, покинувших суетный мир ради служения Богу. Местный ландшафт ничем не уступает экзотическим пейзажам Святой Горы Афон. Да и климат Причерноморья не сильно отличается от погодных условий Адриатического побережья. Плодотворные зёрна веры православной, брошенные в теплую, южную землю, благословенную апостолами Симоном Кананитом и Андреем Первозванным, дали успешные всходы. Это Игнатий Брянчанинов, Феодосий Кавказский, духовник пустынножителИ кавказских гор преподобный Серафим (Романцов) и, конечно же, ещё много святых угодников, имена которых известны одному лишь Богу. В третьем тысячелетии этот вид подвижничества также не утратил своей актуальности. Невидимые молитвенные струи, простёртые от величественных гор к небесам, бережно хранят веру Православную, а вместе с ней спасают и Мир.

Холодная мартовская изморось оседала на кроны пихт и на голые ветви преимущественно букового леса. Небо было плотно затянуто серыми свинцовыми тучами, не дававшими пробиться солнечному свету. Прошлогодня листва, порядком раскисшая от частых дождей, скользила на склоне под

кирзовыми сапогами изнемогающего от холода и голода медленно бредущего путника. В его длинной с проседью бороде торчали сухие листочки. На голове серая армейская шапка – ушанка с поднятыми вверх и связанными между собой отворотами. Ватная, выдавшая виды телогрейка сплошь была заштопана неровными стежками толстой нити. Штаны на нем были непонятного от грязи цвета, тоже не однократно латанные. За спиной виднелся брезентовый вещмешок.

Пройдя по склону до утеса, он стал спускаться по каменистым выступам в ущелье, где на боковых террасах еще виднелись сухие заросли лопухов. Внизу на дне бурлил мощный грязный поток горной реки, подпитываемый таянием ледников и обильными атмосферными осадками.

– Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного, – еле заметно шептали посиневшие от холода уста. Его взор был отрешенный, казалось, не видящий ничего вокруг. Движения были плавные, но уверенные и точные, словно он двигался в режиме «автопилот». Оказавшись на довольно просторном уступе, путник вынул нож и стал срезать им стебли лопуха, укладывая их в вещмешок.

– Да, пожалуй, если мать Феодосия не появится в ближайшее время с провиантом, то я долго не протяну на подножном корме. Но как же ей ко мне попасть, если я и сам не могу отсюда выбраться при всем моем желании? – рассуждал он...

Весна в этом году выдалась дождливая – что ни день, то ливень, иногда сыпал мокрый снег. Сегодня впервые за

столько времени с утра не лило, это и позволило ему выйти из хижины для поиска пищи. Атмосферная влажность настолько была высока, что одежда, практически, насквозь промокла, изнуренное аскезой тело затворника дрожало от холода. Река с трех сторон огибала гору, на которой находилось его скромное жилище. Выбраться с этого уединенного островка можно было по единственной в этой местности дороге, прорубленной в отвесной скале. Ещё был короткий путь, он шел через реку по огромным валунам, но им можно было воспользоваться лишь тогда, когда уровень воды был невысок и то не без посторонней помощи. Раскисшая почва, стекавшая с гор, спровоцировала сход сели, местами увлекшей с собой в пропасть каменистый выступ дороги. Теперь оставалась только одна надежда на то, что дожди закончатся, паводок в реке спадёт, а мать Феодосия подключит спасателей...

– Помилуй мя, Боже, по велицей Твоей милости, – прошептал он, но молитва не шла на ум. В голове был какой-то хаос. Всевозможные мысли не давали настроиться на духовную волну.

– Помилуй, Боже, грешного и немощного раба Твоего Алексея... А ведь я мечтал о подвиге во славу Твою, а тут вдруг начинается паника. Что это со мной? Да не уж-то враг похитит душу мою? Спаси и помилуй мя, Господи...

Память его устремилась в детство, где любимая бабуля

Маша за руку ведет его в церковь по старым довоенным московским улочкам. В тот день состоялось первое знакомство мальчика с Богом. Это происходило в храме Воскресения Словущего, что на Успенском вражке. Он находится в Брюсовом переулке, что между Тверской и Большой Никитской. Исторически сложилось так, что эта старинная церковь располагалась в квартале, где проживала творческая интеллигенция, в большем числе, которая и являлась её прихожанами. Это и повлияло на то, что приход не был закрыт в период советского правления...

Всё, словно на фотопленке, до мелочей запечатлелось в детском сознании. Колокольня, купол с крестом, притвор храма, полумрак внутри и запах ладана. Красивые песнопения и мягкий баритон священника звучали, словно из другого мира. Да это так и было. Это был не тот мир, что за церковной оградой, здесь было по-другому. Оказавшись перед Чашей со Святыми дарами, малыш почувствовал страх. Но это был другой страх, не тот, который он испытал в момент, когда в подворотне на него с лаем кинулась бродячая собака. Откуда ни возьмись, тогда появился дедушка Максим – мамин отец и отогнал её от ребенка. А здесь он боялся чего-то невидимого, незнакомого.

– А смогу ли я сделать то, что от меня требуется? – думал мальчик. – И, что именно я должен делать?

– Открывай ротик пошире, – услышал он ласковый голос священника и подчинился. Что-то мягкое и тёплое положи-

ли ему на язык, – Глотай, не бойся, – говорил батюшка. Чувство, испытанное им в тот момент, не подлежит описанию. Ему было хорошо и радостно, мысли будто растворились в тёплом, пропахшем ладаном и восковыми свечами воздухе. Не хотелось никуда уходить, было желание остаться там навсегда. В тот момент он не мог не выразить своих эмоций и захлопал в ладоши. Всю свою жизнь Алексей с трепетом вспоминал эти мгновения...

Покальвание под ложечкой вырвало его из тёплых воспоминаний и вернуло в холодную реальность.

– Слава Богу за всё, – первое, что пришло ему в голову. Воспоминания укрепили его, – Да будет воля Твоя, Господи, – продолжил он свой молитвенный монолог...

Алексей добрался до своей кельи, которая из бревен была пристроена к пещере в скале. Сверху брёвна плотно были накрыты ветвями пихты, что позволяло строению слиться с окружающей природой. Единственное, что выдавало присутствие человека в этом месте, это кусок асбестовой трубы, который торчал между ветвей на крыше жилища и выполнял функцию дымохода. Войдя внутрь и сняв мешок, он принялся разводить огонь.

– Да, спичек осталось недельки на две, не больше. Ну, да ладно, будет день – будет пища...

Нарезав мелко стебли лопуха, Алексей засыпал их в алюминиевый котелок, затем, залив водой, поставил на огонь. Пошарив рукой по импровизированной, выдолбленной в

скале полке, он достал оттуда три буковых ореха. Очистив и растерев их на камнях, тоже всыпал в котелок.

– Сегодня супчик будет наваристый! А вот, что завтра варить? Вся местность в его владениях была обшарена вдоль и поперек, вряд ли удастся найти еще хоть один орешек. Голод – не тётка. Он с ним знаком с детства. Послевоенный период был особенно трудный в плане пропитания...

День 9 мая 1945 года пришелся на Светлую седмицу, и поэтому весть о нашей победе над фашисткой Германией перекликалась с праздничным возгласом: «Христос Воскресе!»

Полина – мать Алексея с радостью встретила своего мужа Николая, вернувшегося с фронта целым и невредимым. Сколько радостных эмоций было в то время, в теплом семейном кругу они вновь были вместе, и жизнь потихоньку пошла своим чередом. Отец уходил на работу в железнодорожное ДЕПО, где он занимал должность главного механика, Лёша шел в школу, а мама была домохозяйкой и нянчилась с младшей Настей, которая родилась перед самой войной. На этом список жильцов, прописанных в их квартире, заканчивался. Бабушка Мария сразу же, как только в 43–м получила похоронку на деда Максима, уехала в деревню к маминому брату Андрею, куда-то в Рязанскую область. Писем она не писала, лишь изредка присылала поздравительные открытки, тем самым давая знать, что она помнит обо всех.

Казалось бы, всё было хорошо, но в один из обычных осенних дней произошло то, что в корне изменило жизнь Лёши и всей его семьи. Возвратившись из школы домой, он забежал в кухню, где рассчитывал застать мать, но её там не оказалось. Бросив портфель на старый, растрескавшийся от времени табурет, он прошел в комнату, служившую им спальней, а также помещением для проведения общего досуга. Картина, представшая пред ним, заставила его остановиться в дверном проеме: мать стояла на коленях перед образами и зажженной лампадой, Настенька находилась рядом, положив маленькую ручонку ей на плечо. Полина, услышав шаги сына, обернулась и взглянула на него покрасневшими от слёз глазами. Мальчик понял, что-то произошло, но мать не могла ничего сказать, она сильно волновалась и не находила нужных слов. Повисла пауза... И тут Настя тихонько промолвила: «Папка нас бросил...»

Послевоенные годы запомнились тем, что всё было в дефиците, не хватало хлеба, мыла, одежды... Но основным дефицитом были мужики. Проклятая война забрала отцов, мужей, братьев и сыновей, а те, которые полноценными вернулись домой, были нарасхват. Женщинам, готовым стать матерями, требовались женихи. А где их было набраться на всех? Ведь столько парней осталось на поле брани, в сырой земле. Большинство женщин не претендовали на создание семьи, им достаточно было хотя бы зачать ребеночка, неваж-

но от кого. Поэтому многие мужчины не могли устоять перед таким искушением и в большинстве своем впадали в грех прелюбодеяния. Николай – отец Алеши не был исключением и, соблазнившись, ушел к молодой красивой женщине – дочери тылового полковника, которая работала начальником отдела кадров в том же ДЕПО, что и он.

Долго еще Полина продолжала, стоя на коленях, вымаливать возвращение мужа, но тщетно. С уходом главы семейства к ним в дом пришла нужда, вот тут-то Лёша и узнал, что такое голод. В его душе творилась настоящая брань: он любил отца, но не мог простить ему предательства, Лёша верил в Бога, но не мог понять, как Тот допустил такую несправедливость...

Теперь дети часто оставались дома одни, мать уходила на заработки: мыла полы в подъездах, мела двор, одним словом, бралась за все, за что платили деньги, лишь бы прокормить семью. Учеба в школе была пущена на самотёк, мальчику не хватало времени на приготовление домашних уроков, так как он часто уходил из дома помогать матери. А бывало, просто без дела болтался во дворе с мальчишками. Что-то сломалось у него внутри, он заметно повзрослел, и желание учиться у него потихоньку угасло. Беззаботное времяпровождение на улице ему нравилось всё больше и больше. Его друг Жорка, живший в квартире, расположенной этажом ниже, познакомил его с ребятами из соседнего двора, они были постарше, и с ними было интересно. В этой компании

Алексей и познал все «прелести» босяцкой жизни. Теперь нудное занятие – уроки сменила игра в карты и бесцельное шатание по улицам. Мальчишка понемногу начал «баловаться» папиросами. Часто, когда он возвращался домой, Яшка – заводила их компании давал ему баранку: «Возьми, загрызи, чтобы мать не унюхала». Лёшке нравились эти парни, они были самостоятельные, у них водились деньги, и с ними он чувствовал себя уверенней.

В один из осенних вечеров ребята, как всегда собрались на облюбованной ими лавочке, которая располагалась рядом с песочницей. Яков и Жора грызли семечки, Гришка – высокий, худой, с веснушчатым лицом паренек пересыпал из ладони в ладонь карточную колоду. В песочнице сидел на корточках Костя, невысокого роста, слегка полноватый с орлиным носом грек. Надвинув картуз на глаза, он что-то рисовал на песке древком от детского флажка.

Алексей, как всегда вернувшись из школы, бросил портфель на пол, забежал в кухню, взял со стола кусочек хлеба и вареную картофелину, приготовленную для него мамой, и направился на улицу к ребятам. Подходя к ним, он закинул остаток картошки в рот, отер руку о штаны и подал её другу.

– Привет, Яша.

– Привет! Что, всё на картофельной диете? – сострил Яков.

– Ну, да ладно, сегодня мы берем тебя в дело, будут и у тебя деньги, тогда и побалуешь своих домашних чем-нибудь

вкусненьким.

– Лёш, иди сюда! – позвал его Костя, – я обрисую твой выход...

Через пару часов пятеро ребят – двое школьного возраста и трое, как говорят, парубки, расположились недалеко от проходной локомотивного ДЕПО. В этот день был день полочки у работников железнодорожного транспорта. Алексей знал, что им предстоит делать, он понимал – это противозаконно и противоречит заповедям Бога. Но тут присутствовал один фактор, который и повлиял на решение мальчишки идти на преступление. Это было то самое ДЕПО, которое он так ненавидел, там работала та, что увела у них отца, и ей было хорошо вместе с ним за этим забором. Юношеское воображение представляло всех находящихся по ту сторону проходной, злодеями, похищающими у людей счастье.

Босота, как принято говорить о таких компаниях, расположились в сквере за трансформаторной будкой.

– Не будем мозолить глаза, – вынув папиросу изо рта и сплюнув на землю, сказал Яша. Наискосок через дорогу находился павильон «Пиво, воды» – излюбленное место проведения досуга рабочего класса. Пивнушка и являлась объектом повышенного внимания братвы.

Начинало понемногу смеркаться.

– Гриша, пора! Твой выход! – скомандовал Яков. В это время из пивной вышел мужчина, на вид лет 45, он слегка

покачивался, в руке у него была авоська с продуктами. Навстречу ему выдвинулся Григорий, доставая на ходу из кармана папиросу. Мужчина поравнялся с трансформаторной будкой, в этот момент к нему обратился Григорий: «Уважаемый, огоньку не найдется?» Работяга, хоть и был подвыпивший, но бдительности не утратил, он сразу же огляделся по сторонам. Вокруг никого не было – это его успокоило, и он сунул руку во внутренний карман пиджака. Сзади него мягкой поступью, как кошка из-за трансформаторной будки, пробежал Лёха и присел, Григорий сильно толкнул мужика в грудь, и тот через «подставу» рухнул навзничь. В этот момент остальные члены компании выскочили из укрытия и закончили свое грязное дело. Пока мужчина пришел в себя и понял в чём дело, вокруг никого уже не было, грабители разбежались, вместе с ними исчезли и кошелек с авоськой.

В этот день Алексей принес домой продукты – это была селедка, подсолнечное масло и халва. Мать с подозрением смотрела на трофеи сына, как бы догадываясь, что-то здесь не так. Но мальчику все же удалось убедить её, что он разгружал с ребятами вагоны и на заработанные деньги купил еды. Вечер удался на славу, такого праздничного стола не было давно, но, тем не менее, какое-то напряжение между домочадцами все же присутствовало.

Ночью Лёша практически не спал, в его душе происходило настоящее сражение с собственной совестью. Он пытался найти в свое оправдание всевозможные аргументы. Но со-

весть настойчиво обвиняла его:

– А если у этого дядьки трое, а то и более детей и они теперь сидят голодные?

– А мы с Настей и с мамой, что, не голодаем? А папка с этой длинноногой, пожалуй, не только селедочку кушают, еще и чай с конфетами в обверточках гоняют.

– Но ты ведь не знаешь этого человека. Он-то при чем?

– Все они в этом ДЕПО такие, как папка – знаю я их...

Прошло дней семь. Детали произошедшего события немного позабылись в памяти подростка. Наличие денег в его кармане заглушало крики совести. Теперь он мог позволить себе иметь собственную пачку папирос «Казбек», а сестренке купить пряников. Кто-то из великих сказал, что цель оправдывает средства, и это ему пришлось по душе. Со школой он окончательно порвал, в то время это было привычное дело, ребята рано становились рабочими по причине нехватки мужской силы в доме.

Парень вырослел. Налеты, совершаемые компанией, становились более дерзкими, в их арсенале появилось оружие, а это уже квалифицировалось, как разбой. Поэтому работники МУРа взялись за эту банду всерьез. Как-то на очередном ограблении парни прокололись и кинулись врассыпную, каждый спасался, как мог. Два молодых оперативника побежали за Алексеем, в темной подворотне, наступив на обломок кирпича, парень подвернул ногу, тут его и арестовали милиционеры. К вечеру он уже находился в камере предва-

рительного заключения, среди «разношерстных» уголовников. Ему показалось, будто он почувствовал какое-то облегчение, что-то свалилось с его плеч. На подсознании он понял – наказание заслуженное, это кара Господняя за его злодеяния.

Началось следствие, допросы. Пацан хоть и был небольшого роста и щупленький с виду, но характером выдался твердым. Все усилия следователя «расколоть» не увенчались успехом – Лёша никого не сдал.

Суд, приговор, и молодой налетчик пошел по этапу отбывать срок в детскую трудовую исправительную колонию...

Находясь в следственном изоляторе среди уголовников, новоиспеченный З. К. наслышался о порядках, существующих в зоне. Поэтому теоретически он был готов к лагерной жизни. Но, теория теорией, а практика есть практика.

Закончился период карантина, и Лёха предстал перед группой парней с красными повязками на руках. Все новенькие проходили «обработку» – что-то вроде вступительных экзаменов.

– Ну, так с кем ты будешь – с ворами или с активом? – задал вопрос парень совсем не малолетнего возраста. Как выяснилось позже за хорошее поведение и проводимую воспитательную работу в лагере, по достижении совершеннолетнего возраста, активистам давали возможность досиживать свой срок, в малолетних исправительных колониях, в качестве наставников. Бытует мнение, что если их отправить на

взрослую зону, то за помощь властям их или убьют, или в лучшем случае «опустят». Поэтому они шли на любые контакты с начальством – только бы не попасть на «взросляк».

– С ворами, – озвучил заранее заготовленный ответ Алексей, в этот момент сзади ему на голову обрушилась шахматная доска. Он, потеряв равновесие, упал на пол, несколько человек принялись его пинать ногами. Затем испытуемого вновь поставили перед переростком и задали тот же вопрос, ответ последовал: – Я – вор и буду с ворами. Процедуру «обработки» повторили несколько раз, но парень не сломался.

– Ладно, веди его в барак, позже разберемся, давай следующего, – недовольно проямлил старший. Процедура прописки закончилась и Лёша влился в суровые будни лагерного бытия. Подневольное времяпровождение, скудное питание, прессинг со стороны парней в повязках – всё это заставило Алексея вспомнить о Боге.

Молитва стала больше и больше овладевать его сознанием. Парень начал замечать, что вспоминая о своих злодеяниях и прося прощения у Бога, на душе становилось легко и спокойно. Мрачное окружение начинало видеться совершенно по-другому, оно воспринималось, как должное, как промысел Божий. Диалог с Творцом позволял открыть немощи душевные, приходила внутренняя уверенность, бытие обретало смысл и появлялся «свет в конце тоннеля».

Над Алексеем, на нарах сверху подселили паренька, его звали Филипп. Ростом он был повыше и в плечах шире его,

на деле же – нерасторопный. О таких обычно говорят мямля. Ему и доставалось от всех. В принципе, в подобных местах имеет приоритет «закон курятника» – это когда для самоутверждения бьют слабого. Филиппа затюкали, и он на всех смотрел испуганными глазами, как мышь на кошку в последние мгновенья жизни.

Однажды утром Алексей встал по команде «Подъём» и увидел Филиппа, всхлипывающего у своих сапог.

– Что случилось? – спросил он глядя ему в глаза.

– Кто-то опорожнился в мой сапог, – обреченно ответил тот.

– Значит, слушай меня внимательно, – начал наставления Алексей, – чтобы с тобой ни делали, не вздумай обуть сапог. Понял? Или я сам тебя убью. Закончив монолог, он оделся и выбежал на плац на утреннюю зарядку. Когда перешли к водным процедурам, рядом с умывальником появился Филипп. Алексей вопросительно взглянул на его обувь. – Дали другие сапоги, наверное, побоялись, что узнает начальство, – отпартовал довольный исходом событий парнишка. Это была их первая победа, которая укрепила новичка.

Вечером у них вновь состоялся разговор:

– Лёш, как тебе удастся в такой обстановке быть всегда спокойным и не прогибаться?

– Мне Бог помогает.

– Как это?

Всё, что Алексей узнал от бабушки Марии и от матери

об Иисусе Христе он поведал своему новому другу. Филипп слушал с открытым ртом, он вырос в семье атеистов и с жадностью поглощал информацию, о Спасителе понимая, что сила духа у его нового товарища была дарована ему откуда-то извне. В обеденный перерыв на клочке бумаги из-под пачки соли карандашом Алексей написал молитву «Отче Наш» и отдал Филиппу, тот заучил её наизусть и стал молиться. Ребят объединила вера в Бога, и дальнейшее их пребывание на зоне протекало под защитой Творца. Парни старались добросовестно с молитвой выполнять свои обязанности, и остальные их словно перестали замечать. Заключение с соседних нар обратили внимание, что друзья вели себя спокойно и уверенно, и примкнули к их молитвенному кругу. Теперь все свободное время единомышленники проводили в беседе о Боге и молитве. Алёша многое понял, осознал и переоценил. Дни, недели, месяцы сменяли друг друга, вплетаясь в годы, так незаметно срок его подошел к концу. Алексей прекрасно понимал, что в прежнюю компанию ему дороги нет. Из жизненного опыта он вывел свою аксиому – «что такое хорошо, а что такое плохо»...

И вот за его спиной конвоир затворил ворота – он свободен!

Теперь Лёша твердо знал – дальнейшей его жизни без Бога быть не может ...

II

Ласковое весеннее солнышко приятно согревало исхудав-

шее тело молодого человека, весело шагающего вдоль отсыпанной гравием дороги. – Вот она какая – свобода! Казалось бы, и воздух тот же, но нет, воздух все же другой – он пьянящий и ласковый, не тот, что в лагере – мрачный и колючий, – рассуждал Алексей. По обеим сторонам дороги приветливо шумел березовый лес. На дорожном указателе, «проплывающем» мимо, было написано «Горловка, 15 км». Возможно, при других обстоятельствах это считалось бы немалым расстоянием для пешехода, но не в нашем случае. Не успел Алексей вдоволь насладиться просторами матушки России, как дорога закончилась, и он вошел в здание железнодорожного вокзала. Достав из бокового кармана спецовки справку об освобождении и деньги, выданные ему на дорогу, купил билет. Мимо то и дело сновали пассажиры, все они были одеты в яркую гражданскую одежду, это сильно «резало» глаз бывшему арестанту, привыкшему к тёмным пейзажам на зоне. Его же из толпы выделяла стрижка и спецодежда, поэтому некоторые граждане сторонились его и смотрели искоса. Взяв билет и сдачу, он прошел в буфет, там купил буханку хлеба (на большее денег не хватило). Что ж, для полуторасуточного пропитания в поезде не так уж и плохо. Откусив пару раз от горбушки, Лёшка понял, что ему совсем не хочется есть, хоть с утра ничего во рту не было, свобода пьянила. На душе было тревожно. Все происходящее вокруг словно его не касалось, еще не верилось, что он на воле. Положив хлеб в дорожный мешок, парень вышел на перрон, голос из

репродуктора объявил о прибытии его поезда...

И вот наконец-то долгожданная встреча, которую он много раз прокручивал в своем воображении. Лёша даже чувствовал мамин запах, представлял её лицо и то, как он будет её целовать. И вот она! Но нет, скорее это не она, а немного помолодевшая бабушка Маша. Да, время скидок не делает...

Конечно же, это мама! Но как она изменилась: седые волосы, натруженные с прожилками ладони, проваленные щеки, отёкшие веки. А вот взгляд, словно из глубины души остался прежний. Он-то и растопил сердце бывшего заключённого, огрубевшее за время пребывания в местах, где зло в почёте, а правда нипочём. Лёша обнял мать и зарыдал. – Прости, – сквозь слёзы прошептал он, – прости, если можешь...

– Бог простит, Он милосерд, – поглаживая коротко остриженную с небольшими залысинами голову сына, Полина с трудом сдерживала эмоции. Немного успокоившись, Алексей поднял взгляд и увидел сияющее лицо прекрасной девушки.

– Настенька, сестричка! Неужто это ты? Да ты настоящая невеста, – брат и сестра обнялись.

– Ну, пора отметить это событие, – мать, надев фартук, пошла в кухню.

Экспромтом накрыли праздничный стол: жареная картошка, квашеная капуста, черный хлеб и даже вишневое варенье к чаю.

– Дети, давайте помолимся перед трапезой.

Лёша, осенив себя крестным знамением, затянул «Отче наш»...

За обедом обменивались новостями, у всех было хорошее настроение.

– Мам, а как бабушка Маша? Пишет?

Улыбка мгновенно слетела с лица Полины. Немного помолчав, она сказала: «Бабушки уже год, как нет. Похоронили в деревне рядом с её отцом – она так хотела».

Встав из-за стола, мать прошла к иконе Богородицы «Казанская», висящей на стене у окна. Пошарив рукой за образом Пречистой, она вынула оттуда узелок и вернулась на место.

– Вот её наперсный крестик, она завещала его тебе.

Развязав платочек, мать вынула золотое распятие старинной работы на темной тесемке и одела его сыну.

– Бабушка хотела, чтобы крестик напоминал тебе о ней. Положив крест на ладонь, парень внимательно посмотрел на него и поцеловал. Алёша прикрыл глаза, он вспомнил ласковую улыбку бабушки и сверкающий на солнышке, висящий у неё на шее золотой крестик. – Обещаю, бабуля, не забуду, он всегда будет со мной...

Обед закончился, прочитали благодарственные молитвы и женщины стали собирать со стола посуду, повисла пауза. Алексей понял, что мать стесняется расспрашивать его, поэтому сам решил изложить ей свой план на ближайшее будущее. Необходимо было получить паспорт и военный би-

лет. От прохождения военной службы в рядах Советской Армии Алексей был освобожден, так как статья, по которой он был осужден, считалась тяжкой. Был и минус в этой ситуации: с этой статьей не прописывали в Москве, ему надлежало уехать за 101 км. из города – такой был негласный закон. Поэтому Лёшка планировал перебраться к дяде Андрею в деревню, поближе к могилке любимой бабушки. Обо всём этом он и поведал матери.

– Утро вечера мудренее! Давай, отсыпайся, – похлопав сына по плечу, Полина начала стелить постель...

Никто не ведал заранее, что ждет его завтра, послезавтра и в ближайшие дни, не знал и Алексей. Первый день на свободе, в мягкой постели в полной темноте ему не спалось. Как быть дальше? Как построить свою жизнь? Он пока не знал. Но одно уже твердо решил – без Бога его жизненный путь не имеет смысла.

Яркий солнечный лучик, проскользнув сквозь занавеску, пробежал по старым обоям, остановился на лице Лёши, заснувшего только под утро, парень сразу открыл глаза (привычка вставать в 6 утра, выработанная годами, давала о себе знать). Поняв, что больше не уснуть, Алексей взял полотенце и прошел в душевую комнату. Да, ничего здесь не изменилось за прошедшие годы: те же трубы с растрескавшейся краской и проступившей сквозь неё ржавчиной. Рыжая, местами расколотая кафельная плитка на полу, та же дверь со скрипучими навесами. Всё было по-прежнему, словно он и

не отлучался из дома ...

Началась повседневная суэта: визит в милицию, в паспортный стол и в конце недели в военный комиссариат. С группой ребят Алексей, взяв «бегунки» пошел по кабинетам проходить медицинскую комиссию. Первого врача прошел быстро, зрение у него было «соколиное», наследственное от бабушки, которая в 70 лет без очков вдевала нить в игольчатое ушко. В других кабинетах также никакой патологии у парня не обнаружили. И вот группа ребят встала перед членами призывной комиссии. Приказали раздеться до трусов и построиться в шеренгу. Председателем комиссии был майор медицинской службы, фронтовик: человек выше среднего роста, широкоплечий, с бритой головой. На его гимнастерке красовались ордена, многое рассказывающие о его воинской доблести. Он брал в руки бланк, нараспев произносил фамилию, призывник отзывался, комиссия выносила вердикт «Годен».

Настала очередь Алексея.

– Я, – сказал он, услышав свою фамилию. Оторвав взгляд от бумаги, военврач посмотрел на призывника, и вдруг его глаза вспыхнули гневом, он весь затрясся, поднявшись со стула, бросился на Алексея.

– Это что за мракобесы в советском обществе? – подлетев к парню, он ухватился за крестик, пытаясь его сорвать. Словно импульс ужаса коснулся присутствующих, все замерли в ожидании чего-то страшного. Парализованный от неожидан-

ности призывник вдруг понял, что является причиной негодования героического фронтовика, и в последний момент перехватил ладонь эскулапа.

– Это же бабушкин подарок! – закричал он.

– Ах ты контра! – орал врач, пытаясь выдернуть из захвата кулак с зажатым в нем крестиком. Майор резко дёрнул свою руку, на которой повисло худое тело бывшего заключенного, потеряв равновесие, оба рухнули на пол и покатались, продолжая бороться. Очевидно, кто-то из членов комиссии нажал «тревожную кнопку», и в дверь ворвались двое военных с оружием. Они под руки подхватили защищающего свою реликвию, обезумевшего от горя призывника и волоком потащили его из помещения...

Через час, еще не осознавшего всей трагичности ситуации паренька, доставили в отдел КГБ. Посадив в одиночную камеру без окон, словно забыли о нем. Излюбленный метод комитетчиков – воздействие на психику арестованного. Кормили один раз в сутки, поэтому Алексей смог сосчитать, сколько дней пребывает под стражей. На седьмой день его привели в кабинет к следователю и начали допрос. Молодому человеку инкриминировали религиозную пропаганду и нападение на должностное лицо...

– Ты веришь в Бога? – задал вопрос следователь. – Да. – В твоём положении такой ответ – бред сумасшедшего. Ты сам себе добавляешь срок. Напиши отказ от веры в Бога, мы те-

бе перделаем статью, и годика через два-три ты вернешься домой. В противном случае загрузишься по полной.

Алексей молчал, мысленно он молился, понимая, что всё это происки дьявола, и вопрошал ко Господу, дабы Он укрепил его, не дал смалодушничать. Следователь вызвал конвоира:

– Уведите арестованного, пусть подумает – где Бог и где он.

Затем еще несколько дней парня уговаривали отречься от веры в Бога, но он твердо стоял на своем. В итоге его отправили в тюремную психиатрическую больницу, «на обследование».

В ночь перед этапом, лежа на нарах в своей камере, Алексей читал Иисусову молитву и придремал. Приснилась ему бабушка Мария: она была молодая, одетая в свое любимое васильковое платье, лицо её сияло. – Крепись внучок, тебя ждут испытания, запомни: ты сильный, – и бабушка ушла. Алексей проснулся, на душе было тепло и радостно, это был не просто сон, и он это понял. Уснуть больше не удалось. Оставшееся время прошло в молитве, под утро громко лязгнул засов металлической двери.

– Подследственный, с вещами на выход! – гаркнул охранник. И вновь все закрутилось: «воронок», «вагон столыпинский» и снова «воронок», конечной остановкой которого была психиатрическая клиника.

И вот начались его мытарства: Алексей голый стоял в про-

сторной большой комнате, посреди которой за массивным дубовым столом сидел доктор. По обе стороны от «больного» стояли санитары – крепкого телосложения парни с отсутствием интеллекта на грубых физиономиях. Они больше напоминали палачей, приведших очередную жертву к эшафоту, нежели медицинский персонал. Парень ощутил себя подопытным кроликом перед началом эксперимента. В таких ситуациях, когда неоткуда ждать помощи, даже атеисты начинают вопрошать к Богу.

– Господи, дай мне сил не отречься от тебя! – взмолился он.

Вдруг у Алексея появилась уверенность в том, что он все стерпит, ради того, кто создал все видимое и невидимое и даровал ему жизнь. На ум пришли слова бабушки: «Запомни: ты сильный». Не имея большого духовного багажа за плечами, Лёша имел сильную веру в Творца, и это его укрепляло.

– Да будет воля Твоя, – парень не заметил, как произнес это вслух.

Доктор, все это время что-то писавший, оторвался от бумаг и перевел взгляд на пациента.

– Вы что-то сказали? – с сарказмом спросил он.

Парень молчал.

– Типичный случай, – продолжил врач, используя дежурный набор фраз.

– Итак, вы считаете, что Бог есть? – юродствуя, начал свой «спектакль» коновал. Ответа не последовало. Один из гро-

мил, стоящий по правую сторону от парня, врезал ему кулаком в солнечное сплетение: – Ответать надо, когда тебя спрашивает доктор! – вставил он свое «веское» слово. Словно рыба, выпрыгнувшая из аквариума, Алексей судорожно открывал рот, пытаясь вдохнуть воздух. Лицо покрылось испариной и начало синеть, в самый последний момент дыхание восстановилось, но ноги уже не держали, и паренек повалился на пол.

– Не переусердствуй, – сказал доктор. – На вот, приведи его в чувства, – смочив ватку в растворе нашатырного спирта, он передал её громиле. Алексея вновь вернули в вертикальное положение, на всякий случай санитары его поддерживали под руки. В голове у него шумело, к горлу подступил ком, ноги дрожали.

– Ну, так ответь мне: Бог есть? – громиле взглянул на пациента, тот понял – лучше ответить.

– Да, есть! – громко выпалил он и закрыл глаза, ожидая удара.

Но удара не последовало, и парень сквозь прищуренные веки увидел, что в это время доктор набирает в большой шприц лекарство из ампулы.

– Что ж, будем лечить, – вынув шприц из склянки, врач передал его помощникам, а сам вышел из кабинета. Сделав укол пациенту, санитары «упаковали» его в смирительную рубаху и отнесли в одиночную палату. То, что творилось с бедолагой после воздействия лекарства на организм

лучше не описывать, он и сам всего не запомнил, сколько времени провел в связанном положении тоже не знал. Очертания окружающих его предметов начинали обретать реальные формы, хаотично блуждающие мысли выстраивались в логическую цепочку, он старался осмыслить происходящее.

Вернулись громы, пошлёпали ладонями по щекам. Остекленевшие глаза истязуемого, пробежав по орбите, остановились, приобретая разумное выражение – Ожил голубчик, – как будто радуясь, что жертва не покинула их, злорадовал изверг. Взявшись за связанные ноги подневольного, медики отволокли его в душевую. Затем, высвободив из смирительной рубахи, принялись из шланга смывать с него испражнения. Очевидно, это было обыденное явление после такой процедуры, поскольку комментариев не последовало.

«Подопытного» переодели в больничную одежду и начали «лечить»: давали таблетки, делали уколы. По Лёшкиным подсчетам прошло дней тридцать, и вновь он предстал перед своими мучителями в белых халатах.

– Вот чистый лист бумаги, ты пишешь, что Бога нет, и на этом «курс лечения» закончен, – глядя на парня, как удав на кролика, заискивающе мямлил доктор, – в противном случае ты сам усугубишь своё положение. Даю тебе минуту на размышление – время пошло, – приподняв край рукава, он взглянул на часы.

Алексей не сдвинулся с места.

Отведя взгляд от часов, врач дал команду санитарам: – Забирайте!

Три дня тяжелейших испытаний выпали на долю ни в чём не повинного человека. Его душили простынями, затем приводили в чувства холодной водой и снова душили. На следующий день налили в ванну ледяную воду, открыли окно и начали топить. Полуживого его привели в чувства и процедуру повторили. Лёша уже не понимал, что с ним происходит, инстинкт самосохранения утратил свою функцию, он больше не сопротивлялся. В какой-то момент громилы на самом деле его чуть не утопили, пришлось даже делать непрямой массаж сердца. Удовлетворив свои садистские потребности, санитары оставили его в покое. Главврач сделал заключение «Симулянт», и пациента отправили этапом назад в отдел КГБ.

Там, закончив следствие, выдали обвинительный лист, в котором было написано: «Религиозная агитация и оказание сопротивления должностному лицу». Затем судебное заседание и приговор: 10 лет лишения свободы.

Десять лет – огромный промежуток времени, казалось бы, можно умереть в отчаянии. Но Алексей почувствовал облегчение, после психиатрической клиники впервые появилась определенность, он знал свое будущее, отсчёт времени пошёл в обратном направлении. Если бы ни вера в Бога и постоянная молитва, то наш герой так и остался бы вечным пациентом психиатрической клиники...

Железнодорожный состав, переполненный бесплатной рабочей силой, тянулся по бескрайним казахским степям. Монотонный стук колес укачивал заключенных, измученных многодневным пребыванием в душных вагонах. Воздух был тяжелый и спертый, «парашу» выносили один раз в сутки на остановках. Алексей сидел на полу, прижавшись спиной к стенке вагона, прилечь было негде. За пазухой лежала буханка черного хлеба – его трехдневный паек, он понемногу отщипывал от неё и клал себе в рот. Глаза его были закрыты, со стороны создавалось впечатление, будто он спал. На самом же деле ему удавалось «выключать» свой мозг и ни о чем не думать, молитва же текла сама собою, всё то, что происходило вокруг него, он не слышал. Заполняющие вагон люди были разных национальностей, возрастов и социальных слоёв. Здесь были воры, а также осужденные по политической статье, севшие за религиозную пропаганду и случайно попавшие для общего количества ни в чем не повинные граждане. Последним и вину предъявляли, как принято говорить «по ходу пьесы». Все были заняты своими делами: в противоположном от Алексея углу группа уголовников играли в карты. Периодически оттуда слышались острые матерные словечки. Всё это вывело из молитвенного состояния аскета, и он открыл глаза, напротив начались разборки. Внешне было ясно, «грузили» работягу, который толком не понимал, что происходит. Его хитростью втянули в игру, ну а дальше шулерство, и он у них в кабале. Кто-то из игра-

ющих ударил неудачного картежника ботинком в лицо, тот отлетел в сторону и упал рядом с Лёшей, из носа у него потекла кровь.

– Нужно спасти парня, пока не поздно, – подумал Алексей и обратился к «веселой» публике.

– Братва, в чём мужик повинен?– спросил он, вставая с пола.

Тот, который ударил парня, очевидно, был из блатных, он и объяснил: – Проигрался фуцин, пытаемся своё получить. А тебе что, до этого дело есть?

– Я за него хочу отыгаться, – подсаживаясь в круг и подавая блатному руку для знакомства, аскет представился: – Алексей.

– «Тёртый», – последовал ответ, после небольшой паузы он добавил: – Что ж, попробуй, рискни.

Когда Алексея отправляли этапом из Москвы, Полине удалось передать ему немного денег, их он и положил на кон. Мысленно обратившись к Богу: «Господи, помоги спасти невинную душу», Алексей взял колоду и стал тасовать. Пришлось напрячь память и вспомнить все технические хитрости, каким его обучил в юности Гришка. Лёха долго из ладони в ладонь пересыпал карты, при этом подушечками пальцев ошупывал каждую, затем сдал игрокам.

Блатной достал из кармана ворох денег и бросил на кон, стало ясно – у Алёшки нет такой суммы, чтобы продолжить игру. Зачастую этот прием используется в картежной игре и

называется «задавить бабками». Все замолчали, ждали развязки. Тёртый с ухмылкой смотрел на своего противника, ожидая, что же тот предпримет...

Алексей посмотрев на блатного сказал: – Стиры краплёные! (это означало, что карты меченые и шулерство раскрыто).

– У тебя, – обратился он к Тёртому, – два короля и джокер, – взяв у него из рук карты, открыл их – так и оказалось. – Здесь три дамы, – он открыл карты у соседа справа. – А у меня три туза. Встав и бросив на кон тузов, Лёшка забрал свои деньги: – Игра закончена, мужик мой. Надеюсь, тема закрыта? – задал он вопрос блатному.

Тот не стал возмущаться, разборки никто не чинил, Алексей забрал только свои деньги и поэтому все остались при своих интересах.

«Слава Тебе, Господи, слава Тебе», – мысленно отблагодарил Бога аскет и снова, сев на свое место, углубился в молитву.

Вытерев рукавом окровавленный нос, пострадавший горе – игрок пристроился у ног своего спасителя. Лёшка открыв глаза, спросил: – Звать то как? – Сергей. – Держись меня, Серёга. – Понял, – ответил тот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.